

ПАЗЫРЬКЦЫ: культура в лицах

Самый героический поступок человечества – это то, что оно выжило и намерено выжить дальше.

А. и Б. Стругацкие

Пазырыкская культура изучается уже более 150 лет. Все это время основными объектами исследования являлись предметы материальной культуры и искусства – все, что было найдено археологами в погребальных памятниках: сами наземные сооружения и могильные срубы, колоды и погребальные ложа, конская упряжь, оружие, керамика, украшения, одежда и многое другое. В этих исследованиях достигнуты большие успехи, но надо признать, что ничего кардинально нового здесь пока не предвидится. Настоящие открытия в этой области связаны с развитием методов физической антропологии и палеогенетики: мы никогда не поймем, что такое пазырыкская культура, если не узнаем, кто были те люди, которые ее создали

Ключевые слова:
пазырыкская культура, антропология, реконструкция, расовый состав древней культуры.
Key words:
Pazyryk culture, anthropology, reconstruction, racial composition of ancient culture

Большой войлочный ковер (№ 1687-95). Пятый Пазырыкский курган. Фрагмент с богиней. Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

ПОЛОСЬМАК Наталья Викторовна – член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). Лауреат Государственной премии РФ (2004), лауреат Национальной премии «Достояние поколений» (2006). Автор и соавтор более 300 научных работ

Грифон – украшение конской упряжи. *Курган 1 могильника Ак-Алаха-1*

ЧИКИШЕВА Татьяна Алексеевна – кандидат биологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН. Область научных интересов – различные аспекты палеоантропологии Евразии. Хронологический диапазон основных исследований: от эпохи неолита до раннего железа. Автор и соавтор 150 научных работ

ПОЗДНЯКОВ Дмитрий Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск). Область научных интересов – физическая антропология и реконструкция облика древнего населения Евразии. Автор более 50 научных работ

© Н. В. Полосьмак, Д. В. Поздняков, Т. А. Чикишева, 2021

Есть археологические культуры, которые открывают нам немного больше, чем другие, и пазырыкская культура относится именно к таким феноменам. Это связано с тем, что она представлена главным образом вещами, сделанными из органических материалов. Сохранилось то, что не должно было сохраниться, что должно было оставаться тайной за семью печатями. Все эти мелочи были знать: залатанные и заштопанные одежды; протертые подошвы; сшитые из лоскутков и обрезков кожи и меха шубы; вырезанные из кедра звери и птицы; затейливые войлочные аппликации; плетенные из шерстяных ниток косы; деревянная посуда, много раз чиненная; остатки краски и семян...

Неудивительно, что пазырыкская культура необычайно притягательна как для ученых, так и для людей, далеких от археологии. Предметы из «замерзших» могил Горного Алтая порой затмевают и золото скифов, и сарматские сокровища. Они хрупкие, недолговечные, их мало. Проще говоря, они уникальны. Непрофессионал не сможет даже извлечь их из погребения, не говоря уже о том, что предметы из «замерзших» могил нуждаются в немедленной консервации специалистами.

Предметы, которые относятся к этой культуре, не найдешь случайно, их не откапает черный археолог, их не выставят на аукцион. Их уже почти невозможно найти: уж очень сильно и непоправимо меняется климат и нарушается тот баланс, который удерживал в заморозке состоянии лишь некоторые из пазырыкских могил...

Кроме того, пазырыкская культура – единственная древняя культура на территории России, в погребениях которой сохранились мумифицированные тела шести человек, мужчин и женщин.* И это не естественные мумии, которых

Процесс оттаивания колоды, в которой лежала мумия женщины. *Курган 1, могильник Ак-Алаха-3*

* Мумии могильника Оглахты, расположенного на левом берегу Енисея на территории современной Хакассии, не столь древние, как алтайские. Они относятся к первой половине 1 тыс. н. э. и имеют естественное происхождение, т. е. тела сохранились случайно, в силу уникально сложившихся обстоятельств, так же как и частично мумифицированные тела девочки из могильника скифского времени Сарыг-Булуң в Центральной Туве и молодой женщины хунну в могильнике Терезин, расположенном в зоне затопления Саяно-Шушенского водохранилища

Сезонный (весна-осень) характер захоронений пазырыкцев, установленный по ряду надежных свидетельств (содержимому желудков похороненных с людьми лошадей, определению вмерзших в лед внутри погребальных камер растений и т. д.), имеет аналоги в традиционной культуре алтайцев. Так, у них существовала практика временных захоронений, связанная с той же, что и у пазырыкцев, причиной – невозможностью зимних похорон в соответствии с принятым обрядом в условиях Горного Алтая. Они оставляли тело в расщелине скалы или гроте, каменистых россыпях или курганах, завалив камнями, либо подвешивали его на дерево, предварительно завернув в войлок или шкуру животного, как правило, быка. В подходящий сезон тело забирала и устраивали настоящие похороны (Ямаева, 2002). У пазырыкцев для настоящих похорон были приготовлены мумифицированные тела. Где они хранились – не установлено

Реконструкция костюма и снаряжения мужчины из кургана 3 могильника Верх-Кальджин-2. На всаднике – головной убор из войлока, украшения – из дерева, покрытого золотой фольгой, войлочные сапоги-чулки, пояс. Сбруя лошади восстановлена по реальным находкам. Рис. Д. Позднякова

так много в песках пустыни Такла-Макан в Китае; не случайно «замерзшие» тела Эци, обнаруженного в Альпах, или девочки инков в Андах; не тела погибших в соляных шахтах Ирана или брошенных в торфяные болота Северной Европы, которые благодаря этому и сохранились.

Пазырыкские мумии были созданы людьми в результате определенных манипуляций с телами умерших. И этот факт заставляет взглянуть на пазырыкскую культуру как на сложный культурно-исторический феномен, который нам еще предстоит узнать.

Удивительно, но, еще почти ничего не зная об этой культуре, археологи по одному внешнему виду мумий сразу поняли, что среди представителей знати, похороненных в Пазырыкских курганах в урочище Пазырык в восточном Алтае, были люди разного антропологического типа. Уже С. И. Руденко, один из первых исследователей пазырыкских погребальных комплексов, который был не только археологом, но и антропологом, обратил внимание на то, что сохранившиеся мумифицированные головы мужчин и женщин из Второго и Пятого Пазырыкских курганов различаются между собой по расовым признакам: он увидел среди них и монголоидов, и европеоидов.

Поначалу казалось, что расовое различие характерно только для пазырыкской знати, представители которой, как предполагалось, брали жен и наложниц из отдаленных мест. Появилась даже гипотеза, что жена вождя, похороненная вместе с ним в Пятом Пазырыкском кургане, была родом из Мидии. В основе этой гипотезы лежит не только физический облик женщины, но и археологические находки (переднеазиатские): ткань чепрака и древнейший в мире ворсовый ковер (Гаврилова, 1996). По мнению А. А. Гавриловой, похоронили эту женщину как колдунью, принесшую беды, даже число этих

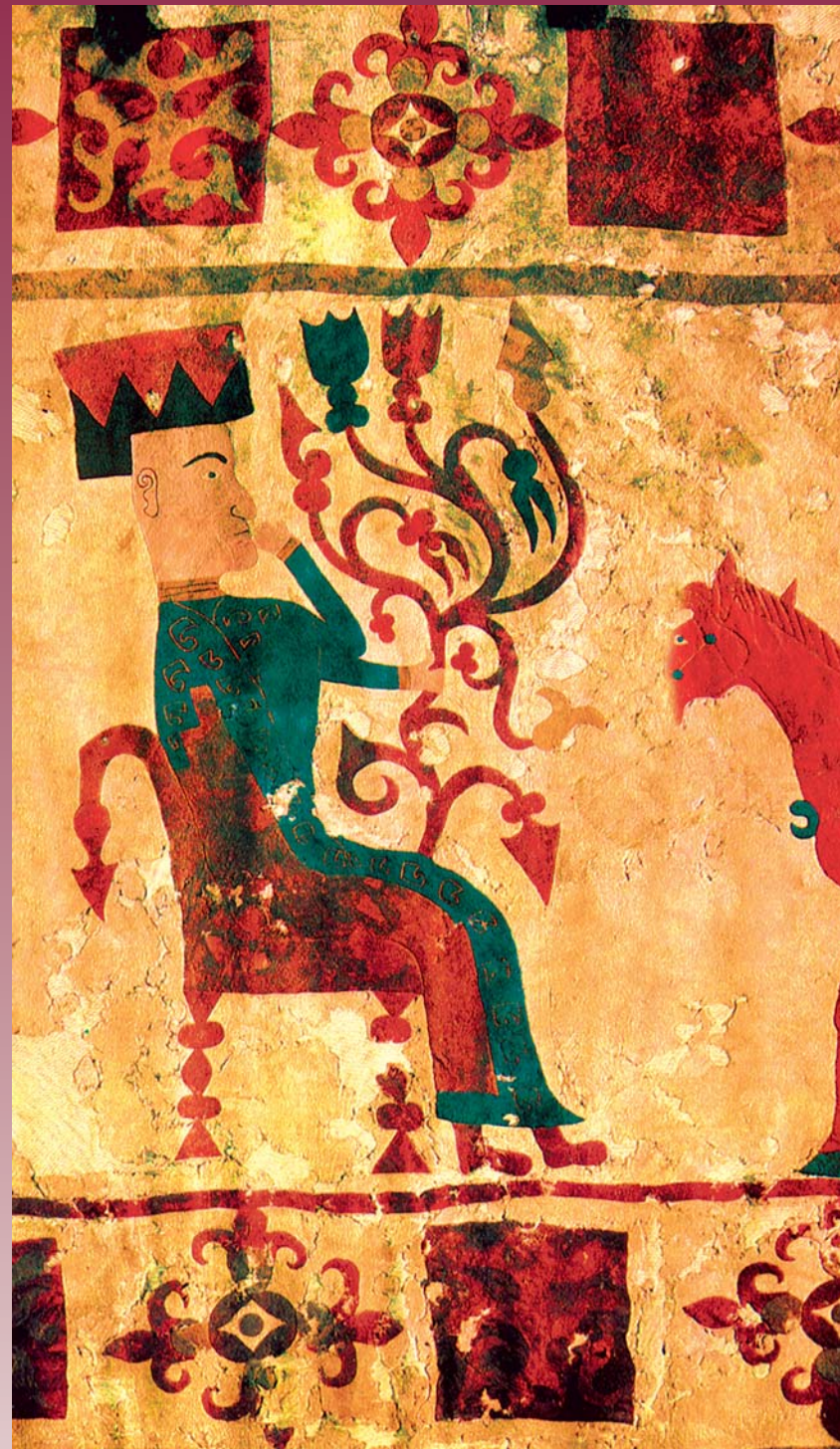
несчастий определили по количеству бревен (семь), которыми придавили часть погребальной колоды, чтобы закрыть ей «выход».

И это лишь один из примеров среди многих других. За прошедшие годы и пазырыкская культура, и ее создатели обросли домыслами и легендами. Каждое новое знание, полученное в ходе научных исследований, разрушает старые гипотезы, но от этого культура не становится менее загадочной. Действительность оказывается интереснее и неожиданнее, чем придуманное. Можно было бы выпустить даже небольшой сборник – «Легенды и предания о пазырыкской культуре Горного Алтая», содержащий гипотезы ученых и народный эпос, существующие параллельно.

Пазырыкцы стали пазырыкцами – новой популяцией, объединенной территорией проживания, образом жизни, материальной и духовной культурой, потому что состояли из различных этнических и культурных групп. Сегодня об этих группах можно говорить с большей определенностью, чем еще 20 лет назад. В результате многолетних исследований мы знаем, представители каких рас входили в общество пазырыкцев Горного Алтая,

Большой войлочный ковер (ГЭ № 1687-95). Пятый Пазырыкский курган. Фото 1950 г. Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург). Размер ковра – 4,5 x 6,5 м, вес 20 кг. Ковер находился в так называемом конском отсеке погребальной камеры

каким было состояние их здоровья. Но и то, что мы знаем сегодня, – это далеко не окончательный вердикт. Знания о людях нужно связать со всем, что нам известно о созданной ими культуре. Рассматривать одно в отрыве от другого – это все равно что писать искусствоведческий труд о работах известного художника или скульптора, не упомянув о самом создателе ни слова... Пока мы больше знаем об образах искусства этой культуры, чем об их создателях. Они анонимны и такими останутся, но благодаря объективному исследованию многие из них уже не будут безликими...

Большой войлочный ковер (ГЭ № 1687-95).
Пятый Пазырыкский курган. Вверху – фрагмент с богиней.
Справа – фрагмент со всадником.
Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

Лики из прошлого

Далеко не каждое древнее общество оставило портреты своих современников. Как выглядели скифы, мы знаем по их изображениям, созданным греками. А пазырыкцы создавали свои портреты сами, как привыкли: вырезая из дерева и войлока.

Первый антропологический анализ всех немногочисленных изображений человека на памятниках пазырыкской культуры сделали Л. Л. Баркова и И. И. Тохман (1994). Наиболее впечатляющие образы изображены на огромном войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана (конец V в. до н.э.). «Все они: сидящая в кресле богиня, всадник на коне, человекозверь, борющийся с птицей, имеют ярко выраженные южно-европеоидные черты лица <...> На ковре скорее всего изображены жители Передней или Средней Азии, а, может быть, потомки тех, кто переселился на Алтай, в Минусинскую котловину, Туву и Западную Монголию еще в эпоху бронзы» (Там же, с. 28). Руденко (1953) назвал лицо всадника «арменоидно-ассироидным».

Всадник и богиня, изображенные на этом ковре, в какой-то степени олицетворяют собой тех, кого мы подразумеваем, когда пишем об европеоидном компоненте пазырыкской культуры – важной составляющей всей популяции. Судя по антропологическому материалу, еще со второй половины 2 тыс. до н.э. племена Южного Алтая были связаны с полукочевым и оседлым скотоводческим населением современных Северо-Восточного Ирана, Южной и Юго-Западной Туркмении, Южного Узбекистана и Южного Таджикистана. Проникновение на Алтай европеоидного населения из этих регионов происходило еще в эпоху бронзы. Антропологический тип, характерный для древних скотоводов Передней и Средней Азии,

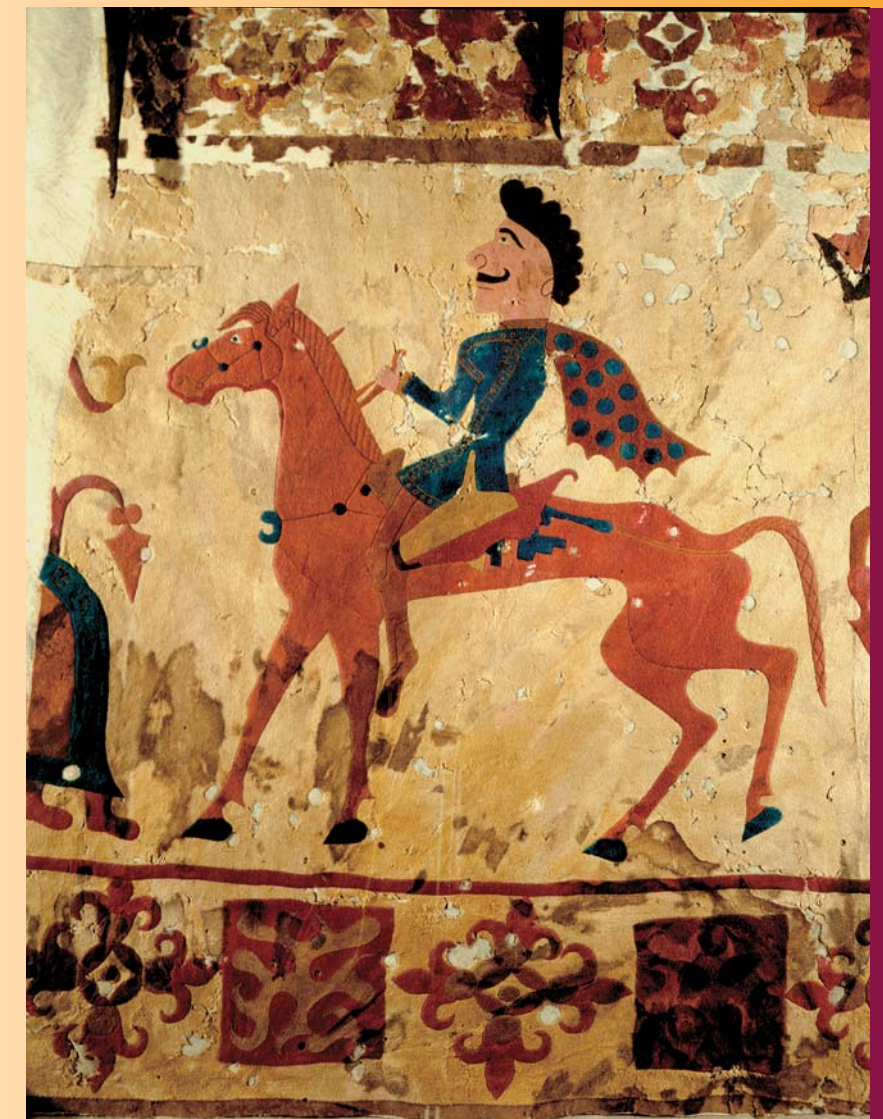
На войлочном ковре, обнаруженном экспедицией С. И. Руденко в так называемом конском отсеке Пятого Пазырыкского кургана, многократно повторен популярный в скифском мире сюжет: на белом фоне основы нашиты цветные аппликации в виде богини с цветущей ветвью в руке, сидящей в кресле, и предстоящим перед ней вооруженным всадником. По мнению Руденко, сначала ковер был настенным в жилище, а позже использовался в погребальной церемонии, для чего к нему пришили полосу от другого ковра, предположительно, также настенного. В могиле ковер покрывал колесницу и четвертку лошадей. Орнамент пришитого фрагмента ковра удалось восстановить: сверху находилось многокрасочное изображение задней половины фантастической птицы, внизу – крылатой фигуры стоящего на задних лапах монстра с туловищем льва и головой, увенчанной оленьими рогами и звериным ухом. У монстра лицо человека с большим носом и закрученными вверх черными усами. По словам С. И. Руденко (1951, с. 114), «Этот мотив ведет нас к древним переднеазиатским изображениям полу-человека-полузверя». Если сравнить профили фантастического существа с войлочного ковра и ассирийского рельефа (музей Пергамон, Берлин), они окажутся идентичны, особенно впечатляют одинаковые носы. Очевидно, что на ковре в образе монстра передан вполне определенный антропологический тип – переднеазиатский, точнее ассирийский

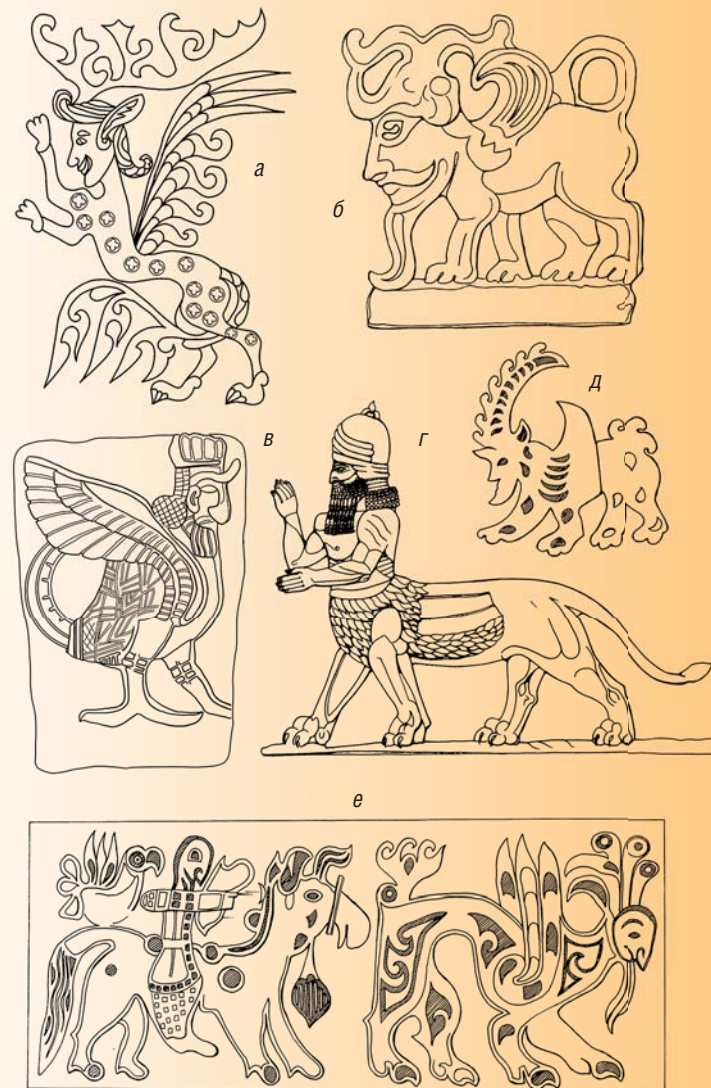
сохранился именно в локальных группах пазырыкцев Горного Алтая. Одна из таких групп совершала захоронения на плоскогорье Укок (Чижишева, 2003).

На генетическом уровне обнаружить свидетельства этих связей пазырыкцев впервые удалось на материалах из погребальных комплексов Олон-Курун-Гол-1, 2, расположенных в непосредственной близости от плато Укок в северо-западной части Монголии (Пилюпенко, Молодин, Ромащенко, 2012). Эта территория связана с Укоком круглогодично проходимым перевалом Улан-Даба, и, судя по погребальному обряду и инвентарю, датировке памятников методами дендрохронологии и результатам палеогенетического анализа, в долине р. Олон-Курун-Гол жила та же группа населения, что и на Укоке.

Важно, что люди, погребенные в могильнике Олон-Курун-Гол, генетически были близки к современным популяциям восточных районов

на стр. 120

НАПЕРЕКОР ЗАКОНАМ ПРИРОДЫ

Необыкновенно живописные существа с телом льва, крыльями и человеческой головой, изображенные на ковре из Пятого Пазырыкского кургана, имеют очень близкие аналоги в ассирийском искусстве, где такой образ широко распространен. С. И. Руденко был совершенно прав, когда писал, что этот персонаж появился в искусстве Алтая в результате древних, еще доахеменидских связей северо-восточных скифо-сакских племен с народами Передней Азии. Но сами пазырыкцы немало потрудились над созданием оригинального образа своего собственного монстра. Помимо ковра из Пятого Пазырыкского кургана, войлочные аппликации в виде сфинкса были обнаружены на седельном покрытии одного из коней из 10-го кургана могильника Берель – комплекса захоронений пазырыкской культуры из долины р. Бухтарма в Восточном Казахстане (Самашев, 2005). У этого удивительного существа пятнистое туловище кошачьего хищника, человеческое лицо, рога горного козла и крылья. Войлочные аппликации двуцветные: передняя часть туловища и голова синего цвета, задняя часть – красного. По своей иконографии этот монстр близок к существу, изображенному на серебряных бляхах из сакского кургана Иссык в казахстанском регионе Жетысу (Семиречье), а также к исключительно живописному образу, вытканному на шерстяной ткани из могильника Шампула (Синьцзян, КНР). И только в последнем случае мы видим сцену, где этот фантастический персонаж служит объектом охоты всадника и потому может быть персонажем скорее отрицательным, чем положительным. В ассирийской мифологии подобные изображения олицетворяли духа-хранителя человека, но перешло ли значение этого образа в культуру кочевников и скотоводов Центральной Азии без изменений? Вероятно, нет. Для искусства пазырыкцев характерно дополнять образы реальных животных признаками других зверей и птиц, меняя их сущность. Этот прием присущ многим культурам и народам. Но пазырыкцы пошли дальше и воплотили его не только в изображениях, но и в реальной жизни: они маскировали коней под оленей и козерогов, приделывая им большие деревянные рога. Отсюда лишь шаг до того, чтобы менять облик человека, добавляя ему наиболее привлекательные черты животных и птиц: гибкое, сильное тело кошачьего хищника, крылья (извечную мечту о полете) и угрожающие рога. Этот образ, родившийся в переднеазиатском искусстве, был полностью переосмыслен скотоводами Центральной Азии, но что он значил – нам неизвестно. Образ человекозверя стар как мир. Его можно найти уже в палеолите: это известное изображение «колдуна»

В древнем искусстве часто встречаются изображения полулюдей-полуживотных:

- а – сфинкс с войлочного ковра из Пятого Пазырыкского кургана, Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург);
 - б – существо с серебряной бляхи из могильника Иссык в Жетысу (Казахстан);
 - в – изображение с ассирийского рельефа на плите, Пергамский музей (Берлин, ФРГ);
 - г – божество Ламассу с ассирийского рельефа, Британский музей (Лондон, Великобритания);
 - д – аппликация на седельном покрытии коня из 10-го кургана могильника Берель;
 - е – изображения, вытканые на фрагменте шерстяной ткани юбки из могильника Шампула III (Синьцзян), Фонд Абега (Риггисберг, Швейцария)
- Прорисовка Е. Шумаковой

На разных фрагментах большого войлочного ковра из Пятого Пазырыкского кургана мы встречаемся с одним и тем же европеоидным типом лица с большим носом и закрученными вверх черными усами. На этом фрагменте изображен человекозверь с туловищем льва и головой, увенчанной оленьими рогами и звериным ухом. Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

в пещере Труа Фрер (Франция), ок. 13 000 лет. И на Алтае он появился задолго до пазырыкцев – в погребальных росписях каракольской культуры бронзового века. А ассирийским изображениям, которые стали иконографическим источником центральноазиатских образов, предшествовала шумеро-аккадская глиптика – на печатях часто можно увидеть изображения человекобыка. Но чем занимались эти персонажи – однозначно ответить не удастся. Однако есть предположение, что человекобыки были защитниками домашних животных от хищников (Афанасьева, 1979)

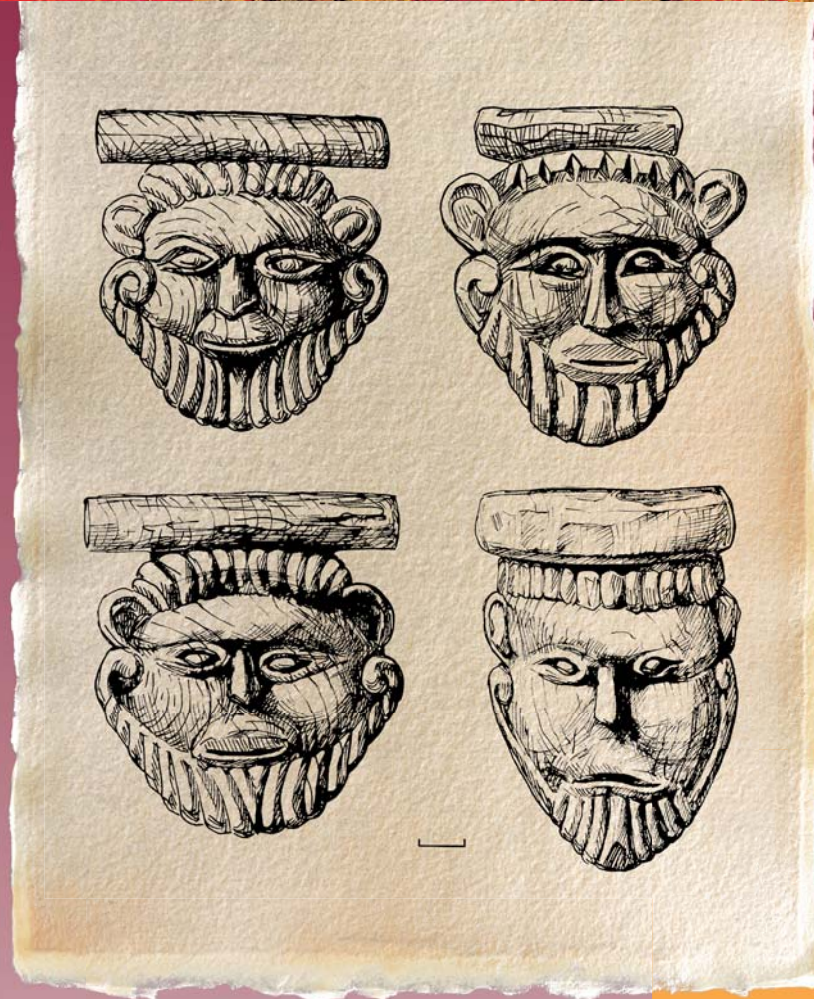
Большой войлочный ковер (ГЭ № 1687-95). Пятый Пазырыкский курган. Фрагмент со сфинксом. Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

Иранского нагорья, Пакистана и прилегающей к ним западной части Индии, а также Средней Азии. Таким образом, персонажи, изображенные на войлочном ковре, действительно могут представлять часть пазырыкского общества, сохранившую антропологический тип, характерный для древних скотоводов Передней и Средней Азии.

Переднеазиатское влияние на пазырыкскую культуру, на которое впервые обратил внимание С. И. Руденко, проявляется прежде всего в традиции мумификации. Сложные манипуляции с телами умерших рода (вторичные захоронения, отделение черепов и действия с ними, создание «кукол» при трупосожжении и т. п.) известны во всех частях света еще с эпохи неолита. Но мумификация – процесс совсем иного рода, и она была распространена далеко не так широко.

Обычай сохранения тел умерших – свидетельство очень сложной культурной традиции и особого мировоззрения, мало совместимых с образом жизни скотоводов-пастухов и присущих скорее городским цивилизациям. Это и особый ритуал, который, возможно, подразумевал существование «специалистов», занимавшихся мумифицированием тел умерших. Хотя теперь мы доподлинно знаем, что все умершие пазырыкцы подвергались мумификации, одни – более сложной, другие – более простой, трудно даже представить, как все это могло происходить в алтайских горах (Полосьмак, 2000).

Еще одна серия изображений человеческих лиц представляет собой деревянные резные бляхи, входившие

Мужчины из кургана 1 могильника Ак-Алаха-1 (слева) и кургана 5 могильника Ак-Алаха 5 (справа). Реконструкция Д. Позднякова

Антропометрические данные, которыми обычно оперируют антропологи, могут рассказать о внешности конкретных людей лишь очень немногим специалистам. Возможность получить наглядное представление о лицах людей прошлого и сравнить их с нашими современниками дает метод антропологической реконструкции, позволяющий воссоздать черты лица с учетом соотношения толщины мягких тканей и особенностей черепа. Создал этот метод антрополог, археолог и скульптор М. М. Герасимов. Реальный облик древних пазырыкцев восстановил Д. В. Поздняков, создавший с помощью метода антропологической реконструкции скульптурные портреты погребенных в кургане 1 могильника Ак-Алаха-1 и кургане 5 могильника Ак-Алаха-5

В пазырыкской культуре, с ее традицией мумификации умерших, особое значение придавалось татуировкам. Слева – татуировка женщины из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3. Музей ИАЭТ СО РАН (Новосибирск)

Деревянные подвески-личины с упряжи коня из Первого Пазырыкского кургана, раскопки М. П. Грязнова (1929 г.). Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург). Только в 1991 г. были обнаружены изделия такого же типа в кургане Кутургунтас. Личины из Кутургунтаса также отличает выраженная монголоидность

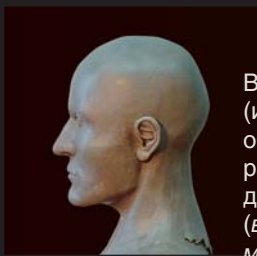
в убранство узды одного из коней из Первого Пазырыкского кургана, раскопанного в 1929 г. М. П. Грязновым. Сам Грязнов (1950) назвал их антропоморфными чудовищами, тогда как С. И. Руденко считал, что это изображения стандартизированных человеческих лиц.

Л. Л. Баркова и И. И. Гохман (1994) попытались проанализировать эти изображения с целью получить антропологическую и социально-историческую информацию. Они пришли к выводу, что на личинах-подвесках изображены безусые монголоидные лица центральноазиатского или, скорее, местного алтайского типа. Кроме

того, даже внутри этой небольшой серии И. И. Гохман нашел существенные отличия: из семи личин четыре могут быть охарактеризованы по антропологическим признакам как монголоидные, а три – как метисные.

Центральную бляху он посчитал более индивидуализированной: «перед нами портрет человека, занимающего высокое положение в иерархической лестнице, это вождь» (Там же, с. 30).* В целом это украшение конской узды, по его мнению, представляет своеобразный групповой портрет, отражающий племенную структуру кочевников Алтая. «Если бы в нашем распоряжении вообще отсутствовал палеоантропологический материал, и личины были бы единственным источником об антропологическом составе населения, то и в этом случае

* В период написания статьи эти подвески-личины были уникальны в пазырыкском искусстве. Только в 1991 г. были обнаружены изделия такого же типа в кургане Кутургунтас

Войлочный шлем, серьга (из деревянной пластинки, обклеенной золотой фольгой), раковины каури (справа вверху), деревянная основа колчана (внизу). Курган 1, могильник Ак-Алаха-1

результаты были бы правильные» (Там же, с. 31–32).

Но есть и иное толкование этих «личин». Так, Д. Г. Савинов и С. Г. Кляшторный (1998) рассматривают подвески как изображения иноплеменников, скорее всего, даже противников пазырыкцев, которыми, по их мнению, были хунну. Как мы теперь понимаем (и эта точка зрения не расходится с тем, о чем писали Гохман и Баркова), один из типов монголоидных личин действительно мог передавать облик хунну, но это были не враги, а люди, «натурализовавшиеся» в пазырыкском обществе незадолго до того, как степные племена объединились в империю.

ВСАДНИКИ УКОКА

Курган 1 могильника Ак-Алаха-1 был первым в истории изучения пазырыкской культуры погребением с «замерзшей» могилой, не потревоженным грабителями. Благодаря этому погребальному комплексу был реконструирован мужской пазырыкский костюм и воинская экипировка. Взрослый мужчина и юноша были погребены в двойном листовенничном склепе в сопровождении девяти коней. Каждый покоился в отдельной листовенничной колоде, с деревянной «подушкой» под головой. Сохранились части костюма, включая штаны из шерстяной ткани, войлочные головные уборы, фрагменты обуви, многочисленные украшения из дерева в виде фигурок животных, обернутых золотой фольгой. Все деревянные изделия – настоящие произведения искусства, как и войлочные покрытия седел и подвески к ним в виде рыб. Было установлено, что старшему мужчине было 45–50 лет, а младшему – 16–18. Так как их тела погребенных не сохранились, их пол и возраст были установлены по скелетным останкам методами физической антропологии. Первоначально младший погребенный был признан девушкой. Более поздний молекулярно-генетический анализ с использованием четырех систем генетических маркеров позволил установить, что это был молодой мужчина (Пилипенко, Трапезов, Полосьмак, 2015).

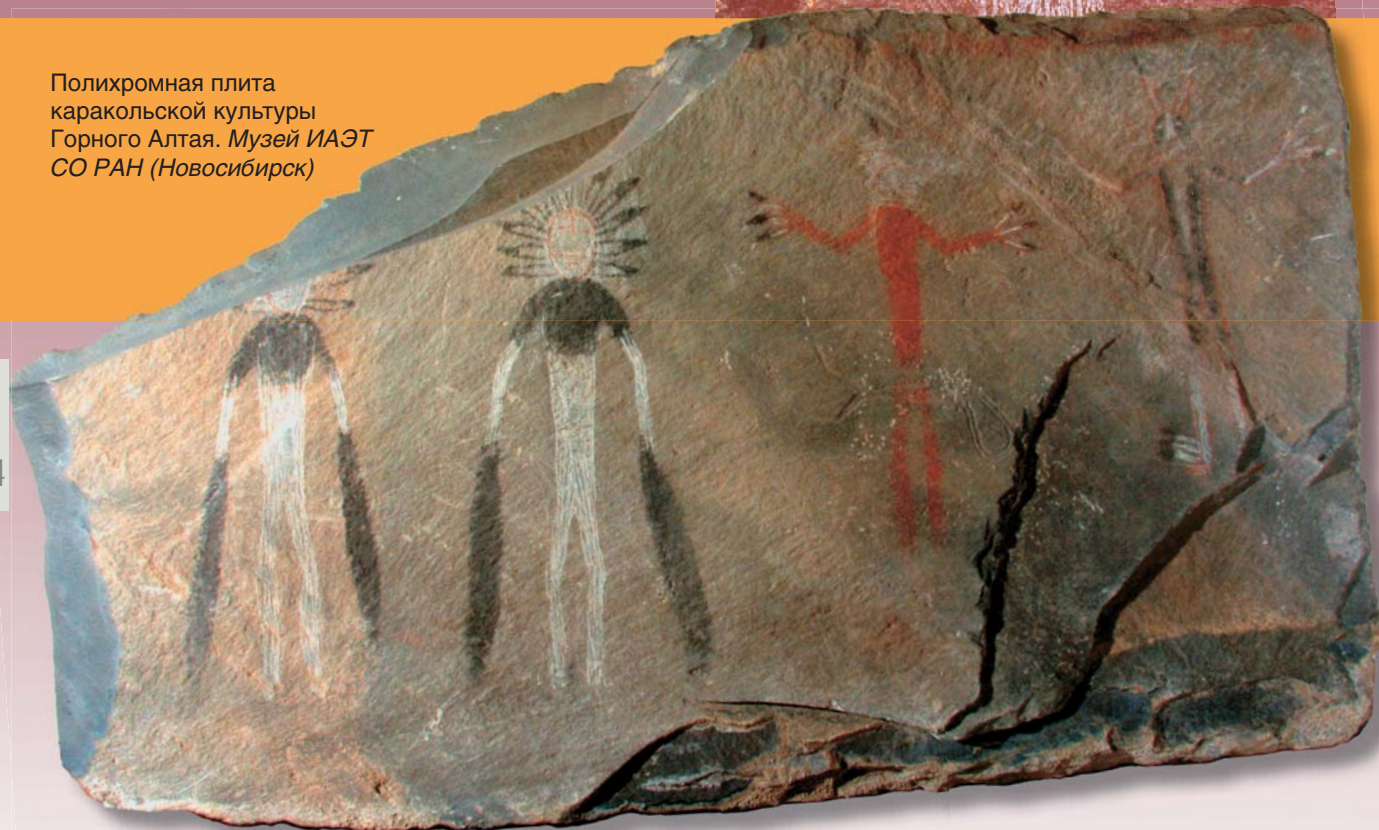
Старшему мужчине, погребенному в кургане 1 могильника Ак-Алаха-1, было 45–50 лет, младшему – 16–18. Палеогенетический анализ показал, что они не были отцом и сыном, как можно было бы предполагать, а, вероятно, состояли в более отдаленном родстве (например, дядя и племянник) (Пилипенко, Трапезов, Полосьмак, 2015). Антропологическая реконструкция Д. Позднякова

Каракольская культура – необычное и малоизученное явление на территории Горного Алтая. Погребальные памятники этой культуры, открытой В. Д. Кубаревым, находят случайно, и их пока очень немного. Все они обнаружены в Онгудайском районе Республики Алтай. Это погребения в каменных ящиках, ориентированных с востока на запад, расположенные внутри каменных оград кладбищ либо в насыпях более древних курганов афанасьевской культуры. Погребенные уложены на спину, головой на запад. Во всех погребениях отмечены берестяные покрытия, подстилки или их следы. По мнению Кубарева, в форме, конструкции и оформлении каменных ящиков-гробниц каракольцев можно усмотреть имитацию жилища. Стены символического жилища украшали антропоморфные персонажи, нарисованные и выбитые на каменных плитах. Росписи, нанесенные на плиты, являлись частью погребальной обрядности. Эти фантастические образы представляют собой самое необычное из того, что мы увидели в этой культуре. Согласно одной из точек зрения на происхождение каракольцев, их появление связано с миграцией европеоидного населения из юго-западных районов Передней Азии, согласно другой – они являются коренным населением, что подтверждается антропологическим материалом (Кубарев, 2009; Чикишева, 2012)

Полихромная плита каракольской культуры Горного Алтая. Музей ИАЭТ СО РАН (Новосибирск)

И конечно, на этих личинах старались передать не портретное сходство, а самые характерные особенности лиц, расовые признаки. И они, что называется, «налицо».

Точка притяжения – Алтай

Выводы И. И. Гохмана и Л. Л. Барковой о составе пазырыкской популяции оказались в главном верны. Как показали последние палеоантропологические исследования, важное место в структуре пазырыкского населения занимал так называемый *автохтонный* (местный) *расовый компонент* Горного Алтая. Согласно гипотезе, высказанной Т. А. Чикишевой, население Северной Евразии имело в своем антропологическом составе морфологические комплексы с незавершенной дифференциацией на антропологические типы монголоидной и европеоидной основных рас. Они обнаружены в разные археологические эпохи вплоть до современности. Один из таких комплексов существовал на территории Горного Алтая у индивидов из пещерных захоронений рубежа неолита-энеолита и каракольской культуры бронзового века. Возможно, он является автохтонным компонентом для Алтая.

Среди пазырыкцев очень редко, но встречались и монголоиды, наиболее близкие к хуннскому населению южного и юго-восточного Забайкалья. До последнего времени чистым монголоидом можно было считать лишь мужчину 60 лет из большого кургана Шибе в долине р. Урсул на Горном Алтае, исследованного М. П. Грязновым в 1924 г. Но сейчас мы можем назвать еще двух носителей монголоидного типа: женщину из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 и мужчину из кургана 5 могильника Ак-Алаха-5.

Вовлечение этого расового компонента в антропологическую среду пазырыкской культуры свидетельствует не о смешении населения, а о существовании пока неясных взаимоотношений пазырыкцев с монголоидными народами Восточной Сибири (Чикишева, 1996; 2003). Точно установлено, что женщина с монголоидными чертами из могильника Ак-Алаха-3 была похоронена в начале III в. до н. э., т. е. еще до создания кочевой империи хунну. И эти отдельные представители хунну становились частью пазырыкской культуры: они были похоронены по ее обряду, их тела мумифицировали, а тело женщины покрыто типичной пазырыкской татуировкой.

Три известных на сегодняшний день представителя монголоидного типа явно относились ко всем слоям пазырыкского общества: высшему – в лице старого мужчины, похороненного в двойном склепе на глубине 6–7 м в большом (45 м в диаметре) кургане Шибе на р. Урсул в сопровождении 14 коней; среднему – в лице женщины из погребения 2 в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3, похороненной в колоде, установленной в листовничном склепе, в сопровождении 6 коней; низшему – рядовой пазырыкец из кургана 5 могильника Ак-Алаха-5 был похоронен в небольшом кургане с одним конем.

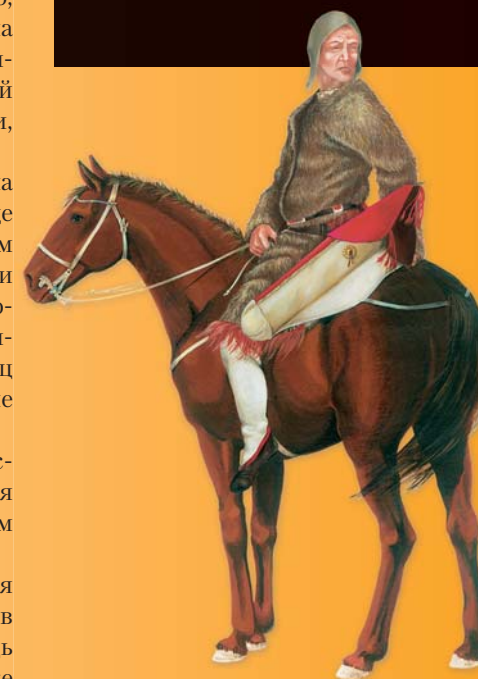
Остаются загадкой причины появления этих людей на Алтае и их «растворения» в местной культуре. Возможно, благодаря им стали появляться в алтайских курганах китайские вещи: шелк, зеркало, а в пазырыкском искусстве – отзвуки китайских традиций.

Полученные данные позволяют считать пазырыкцев Горного Алтая новой популяцией, сформировавшейся в результате тесных контактов между местным (автохтонным) и пришлым населением, в первую очередь мигрантами с территории современной Средней и Передней Азии, а также отдельными представителями монголоидных народов Восточной Сибири.

Мужчина из кургана 5 могильника Ак-Алаха-5. Реконструкция Д. Позднякова

Пазырыкский всадник. Курган 1 могильника Верх-Кальджин-2. Реконструкция Д. Позднякова

Самый героический поступок человечества – это то, что оно выжило и намерено выжить дальше*

Тот факт, что в формировании пазырыкской культуры заметную роль сыграли выходцы с территорий, удаленных от Горного Алтая, с иной природно-климатической средой, негативно отразился на состоянии здоровья и продолжительности жизни. Пазырыкцы с плато Укок жили в среднем 30–40 лет и страдали различными болезнями, в первую очередь опорно-двигательного аппарата, зубочелюстной системы и онкологическими.

Весь этот комплекс коллективных хронических заболеваний и патологий можно назвать «ценой адаптации» – так физиологи называют предпатологические и патологические изменения в организме, вызванные повышением его специфической устойчивости на действие факторов стресса, включая особенности внешней среды, такие как высокогорье, жаркий/холодный климат и т. д. (Ткачев, 1994).

Конечно, помимо болезней, у многих пазырыкцев обнаруживаются травмы, но только бытовые, что важно. В совокупности все эти недуги значительно снижали качество жизни и в ряде случаев становились причиной смерти. Другой причиной смерти могли быть инфекции.

Так, степная (юго-восточная) часть плоскогорья Укок входит в Горно-Алтайский высокогорный природный очаг чумы (речь идет о *бубонной чуме* – особо опасном инфекционном заболевании, протекающем в очень острой форме). Очаг включает также территорию между хребтами Сайлюгем, Чихачева, Курайским, Северо-Чуйским и Южно-Чуйским, которые окружают Чуйскую степь. Основные переносчики возбудителя болезни – грызуны. Заражение человека происходит

при укусе инфицированными насекомыми или непосредственным контакте с переносчиком.

В наши дни очаг чумы в Кош-Агачском районе считается самым активным из 11 природных очагов этой инфекции на территории РФ. В свое время чума могла коснуться и пазырыкцев, зимовавших на Укоке. Недавно международная команда палеогенетиков обнаружила в останках человека, представителя ямной культуры из района Поволжья, самую древнюю из ныне известных форм возбудителей бубонной чумы «возрастом» 3,5 тыс. лет. Есть предположение, основанное на анализе геномов возбудителя чумы из останков представителей ямной культуры, что именно масштабная эпидемия чумы в Центральной Европе 4,8 тыс. лет назад могла стать причиной миграций населения с востока на обезлюдившие территории (Andrades Valtuena *et al.*, 2017).

Среди инфекций, которые могли распространяться в среде пазырыкцев, были и связанные с их главным хозяйственным занятием – скотоводством.

Еще одна угроза для здоровья населения Горного Алтая была установлена совсем недавно – это широкая распространенность йодной недостаточности. Так, у теленгитов с алтайского высокогорья обнаружили среднюю степень развития эндемического зоба и йодного дефицита (Маклакова, 2011). Причины заболевания связаны с особенностями питания алтайцев, рацион которых в основном состоит из продуктов животного происхождения. В то же время в регионе отмечается и зобная эндемия овец, не получающих достаточно йода с местными растительными кормами. На развитие диффузного зоба может влиять и высокое содержание ртути, характерное для горно-алтайской биогеохимической провинции (Савченков и др., 2002; Ельчанинова, 2019), поскольку этот элемент способен реагировать с йодом, переводя его в неактивное состояние.

В рационе пазырыкцев также преобладали животные продукты. Как известно, умерших соплеменников всегда сопровождала мясная пища: в погребальных камерах на деревянных блюдах лежали куски мяса и курдючной части баранов, а также конина. Понятно, что такая еда вряд ли была для кочевников ежедневной пищей, но мясо диких животных в их рационе, безусловно, присутствовало. Наиболее доступной добычей в среднегорье были сурки, которые до сих пор считаются лакомством у тувинцев, монголов и отчасти алтайцев. Но сурок – это не только мясо и шкура, но и, к сожалению, источник заражения чумой.

* Аркадий и Борис Стругацкие «Пикник на обочине»

Пазырыкский всадник. Курган 1 могильника Верх-Кальджин-2. Реконструкция Д. Позднякова

Увы, пазырыкцы высокогорий были обречены на хронические и зоонозные болезни, а также эндокринные расстройства, связанные с йодным дефицитом. Возможностей для вымирания небольшого населения горных долин Алтая было множество, но, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, эти люди не только выживали, но и создали неповторимую культуру, которая до сих пор притягивает к себе внимание.

Мы не можем сказать, как выглядел типичный представитель пазырыкской культуры, в отличие от, к примеру, скифа. Ведь пазырыкцем мужчину и женщину делали костюм и татуировки, а не лицо. Расовые признаки не играли никакой роли в этой популяции: в «царских» курганах похоронены как европеоиды, так и монголоиды. В курганах одной цепочки по одному обряду рядом захоронены монголоидные и европеоидные всадники и их жены и дети.

Своеобразие и разнообразие образов людей, известные в искусстве пазырыкской культуры, указывают на то, что она являлась многосоставной и многоэтнической, и это подтверждается антропологическими и палеогенетическими исследованиями. Надо полагать, что в обществе, нацеленном на выживание, были важны не расовые признаки, а личные качества, благодаря которым каждый занимал предназначенное ему место. Вероятно, в этом генетическом и этническом разнообразии кроется загадка культуры – ее своеобразный стиль, родившийся из эклектики, ее физическая стойкость и способность к адаптации.

Литература:

Баркова Л.Л. Большой войлочный ковер из Пятого Пазырыкского кургана // *Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача*. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 137–142.

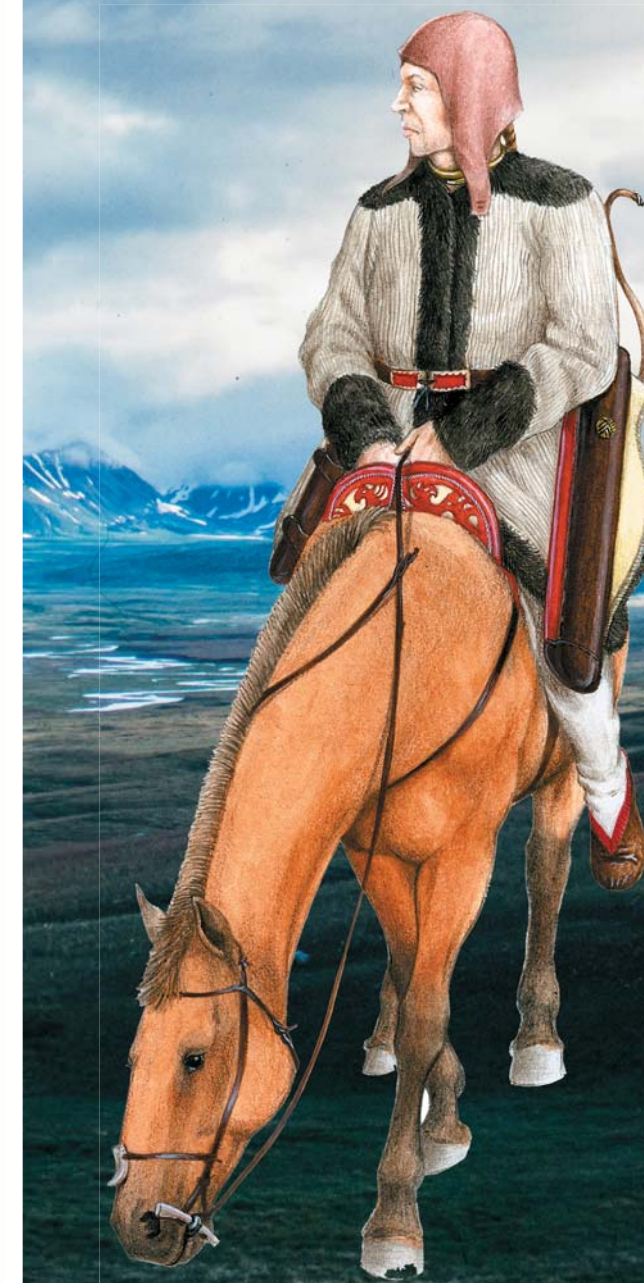
Руденко С.И. *Культура населения Горного Алтая в скифское время*. М.; Л., 1953.

Полосьмак Н.В. *Бальзамирование у пазырыкцев Укока // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э. (Палеоэкология, антропология, археология)*. М.: Изд-во ГИМ, 2000. С. 67–73.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. *Пазырыкская узда. К предыстории хунну-юечжйских войн // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 70-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача*. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. С. 169–177.

Самашев З. Григорьев Ф., Жумабекова Г. *Древности Алматы*. Алматы: Археология, 2005. 184 с.

Руденко С.И. *Пятый Пазырыкский курган // КСИИМК*. М.; Л.: 1951. Вып. XXXVI. С. 106–116.

В макете использованы фото Маттиаса Зайферта и фрагменты шерстяного ворсового ковра из Пятого Пазырыкского кургана (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург)

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (№ 18-09-40048)